

Воспоминания Старобинской Галины Ивановны

Старобинская Галина Ивановна, Заслуженный Учитель РФ, Отличник народного просвещения, Ветеран труда, имеющая грамоты МП РФ, МКО, МИОО, ведущий методист лаборатории и кафедры истории ИУУ-МИПКРО-МИОО, автор 30 пособий по методике преподавания истории и Москововедения. Ее 55-летний (46 лет отдано ИУУ – МИОО) трудовой путь подробно описан в большом интервью «Учительской газете» № 9 от 26 февраля 2013 года: «Методист-профессия творческая и штучная» (страница 6-8).

Я, Старобинская (урождённая Соловьева) Галина Ивановна, хочу признаться, что на фронте не была, в военных действиях участия не принимала, в партизанском отряде не состояла, на оккупированной территории не проживала. То есть понятие «война» у меня в детстве не было связано непосредственно с ходом военных действий. Оно вошло в моё сознание опосредовано, через какие-то калейдоскопические картинки, которые запечатлелись в памяти, а системное знание это понятие обрело лишь во взрослое время.

Я родилась в Москве в 1938 году. У меня была сестра на два года моложе меня (светлая ей память!). Во время войны нас отвезли в деревню Мезенцево, что в 10 километрах от станции Бобынино Рязанской области.

Помню, была зима, и было очень холодно. Изба на краю деревни. Завалинка. Земляной пол. Деревянный стол. По углам шуршат мыши. Нам боязно. Мы с сестрой, два заморыша, сидим на подоконнике и ждём возвращения мамы с двумя золотками после работы в колхозе. Вдруг, замечаем, со стороны наших соседей (Найдёновых) к нам идёт немец.

Голова закутана тряпьем. На ногах корзинки. Ноги в корзинках закутаны то ли одеялами, то ли полотенцами... Открывает дверь: «Курка, яйца, молоко?» Мы сжались в комок, дрожим от страха. Разразились воплем, громким плачем, ором, похожим на вой сирены. Какие там «курка, яйца, молоко», когда в избе одни мыши! Немец ушел ни с чем, не тронув нас. Осталось непонятным, кто кого испугался. Дрожь от страха долго не проходила.

Однажды, уже летом, услышала гул самолета и тут же взволнованный голос мамы: «Где Рая»? Я даже не помню, чей это был самолет, наш или фашистский. Но, судя по испугу и панике в деревне, не наш. Через какое-то время видим бегущую по ячменному полю Раю. Её белокурые волосы, сливаясь с колосьями, беспорядочно развеваются на ветру. Лицо искажено от страха. Слезы ручьем. Со всех ног она бросается в руки матери. Все облегченно вздохнули, только маме пришлось срочно менять сестренке, полные «страха» штанишки.

Году в 1942 приехал Раин отец, мой отчим. Помню, он нёс нас на руках по деревне. Даже спустя много лет мне снились эти надежные руки отчима. Мы с сестрой такие маленькие и так высоко от земли.

Запомнился запах пареной в чугушке репы, какой-то терпкий, приторно сладкий. Помню, как я, шестилетний ребенок, часами долбила пестом в ступе ячмень. Руки отваливались, голова кружилась, но иначе кашу не сварить к приходу взрослых с работы. В деревне все работали с малого возраста. Мы с сестрой оставались одни, забирались на подоконник и не раз наблюдали, как объезжают молодых лошадей: взрослых-то забрали на нужды фронта. Жеребята привыкли к воле, недостаточно окрепли, а их впрягают в оглобли. Они брыкаются, вырываются, сопротивляются изо всех сил, падают, а их нещадно бьют кнутами. Мы с сестрой не просто плакали, рыдали, так жалко было бедных животных.

Сестру отец увез в Москву, а я осталась на какое-то время в деревне с дедом и бабушкой. Они очень меня жалели и любили. Через несколько месяцев они умерли. Из Москвы за мной приехала родственница тётя Паша (Прасковья). Она увозила меня к матери и сестре в Москву. До станции добирались на санях. Так и осталась в памяти наша изба, нищета, любящие дед с бабушкой и санный путь до станции Бобынино. Всю дорогу до станции я плакала горячими слезами. Эти картинки раннего детства многократно приходили во снах, когда уже прошли десятилетия, и у меня у самой родились сыновья, совсем городские.

В Москве мы жили на Солянке, дом 14, во дворе здания Академии Медицинских наук СССР. Жили мы в подвале, в комнате, разделённой занавесками на четыре части для четырех семей. Ни туалета, ни водопровода. Здесь я второй раз в жизни увидела немцев. Это были пленные. Они ремонтировали здание Академии. Оказалось, такие же

люди. Иногда мы видели их улыбающимися. Это, когда они наблюдали за нашими детскими играми в салки, прятки, штандр, лапту, казаки-разбойники... Наверное, своих вспоминали.

Парадная часть Академии Медицинских наук СССР занимала огромную часть улицы Солянки. Во дворе Академии, с тыльной стороны здания, располагались жилые помещения. Они располагались на трёх этажах здания, в подвалах и в отдельных помещениях. В этом относительно замкнутом пространстве, все семьи знали друг друга, потому что все были на виду. Нас с сестрой до сих пор называют «Фенины дочери». Феня - это имя нашей матери (светлая ей память!). У детей были свои прозвища. Конкретно меня дразнили так: «улица Солянка, дом Обезьянка, квартира Мартышка, хозяин СОЛОВЬИШКО».

Замкнутым это пространство делал остаток древней стены Китай-города, расположенный перпендикулярно улице Солянке. Проезжую часть, рядом со стеной, все называли Аллейкой. Влево от стены тянулось продолговатое двухэтажное здание, с жилыми помещениями. Это здание закрывало бы наш двор наглухо, если бы не проходная арка. Эта арка открывала путь и на Аллейку, и к проходной Академии, и на площадь Ногина (ныне к станции метро Китай-город), на выход к улице Солянке, на площадь Кирилла и Мефодия, а там - и на Красную площадь.

Со многими Солянскими, поскольку мы были и ровесниками, и соседями, и одноклассниками, товарищеские отношения сохранились до сих пор. Созваниваемся, реже встречаемся, провожаем в последний путь.

В 1946 году я пошла в первый класс школы №656 (ШПШ) Молотовского района, на улице Обухова, дом 4. Мне было около 8 лет. Удивительно по нынешним временам. Поколение «Дети войны» было истощено. По этой причине раньше 7-8 лет в школу не принимали. Если где-то был шестилетка, его знала вся школа и её окрестности. Это было редчайшее явление.

Хотя война кончилась, всё время хотелось есть. Дома не всегда был лишний кусок хлеба. С 1947 года в школе на большой перемене нам стали выдавать бублик и конфетку «подушечка». Во многих семьях люди жили еще впроголодь. Вот ещё одна картинка голодного послевоенного детства, которая не забывается с годами. Первый год, когда отменили продовольственные карточки, наступило то благословенное время, когда продавца в магазине можно было попросить взвесить 50 г(!) конфет: ирисок или подушечек; 50 г(!) колбасы или сыра. На Солянке магазинов было много. Не забываем запах булочной: кирпичи белого хлеба, пряники, «французские» сайки, баранки, связки сушек... В продуктовом магазине – горы консервных банок с крабами, цены на которые и поныне кусаются, какой-то манящий, очень вкусный запах колбасы...

Однажды стоим с сестрой в длинной очереди. У нас уже куплено всё необходимое: хлеб, мука, крупа. Подходят двое: «У нас дома дети. Надо ещё в один магазин очередь занять. Вы не посторожите нашу сумку с продуктами?» Мы, конечно, соглашаемся. Стоять долго. Они быстро возвращаются: «Девочки, вы знаете, нам боязно оставлять продукты. Вдруг, вы уйдёте...». В общем, всё кончилось тем, что они взяли нашу сумку с покупками, а свою оставили... Долго же мы их ждали. Уже не одна очередь прошла.. Приволокли мы домой то, что они нам оставили. Это было несколько кирпичей, пакет с цементом и пакет какого-то порошка... На перекрестке ул. Солянки и Аллейки, ведущей к военной академии, был газетный киоск. Иду как-то домой мимо киоска и слышу диалог матери с ребенком: «Сынок, ты что жуешь?! «Мясу» – уверенно отвечает он. «А где ты его взял?» «САМА ПРИЧКАКАЛА!». Мальчик жевал лягушку. Я рассказала об этом дома и во дворе. На сегодняшний день есть, по крайней мере, два свидетеля этого факта. Времена меняются, меняется отношение людей к фактам той далекой жизни. Пару лет назад я была буквально поражена тем, что в «Сборнике сканвордов» прочитала про этот случай, в качестве анекдота. Не знаю, как это комментировать мне, очевидцу той ситуации? Особенно, если учесть, что я нахожусь в преклонном возрасте, благополучно прошла путь от «пионерско-орлятской» молодости до благословенного счастья пенсии, и имею 7 чудных внуков.